S 37/881

С37
881

ЗАСЕЛЕНІЕ
ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ
и
ОБЩІЙ ХОДЪ ЕГО КУЛЬТУРНАГО РАЗВИТІЯ
ДО ОТКРЫТІЯ УНИВЕРСИТЕТА.

Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г.

проф. Д. И. Багалѣемъ.

ХАРЬКОВЪ.
Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полуехтова.
1889.

S 37/881.

ЗАСЕЛЕНІЕ
ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ
и
ОБЩІЙ ХОДЪ ЕГО КУЛЬТУРНАГО РАЗВИТІЯ
ДО ОТКРЫТІЯ УНИВЕРСИТЕТА.

Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г.

проф. Д. И. Багалѣемъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная, № 25.
1889.

На основаніи постановленія историко-филологическаго факультета 28-го Января 1889 года и согласно ст. 27 § 1 п. 4 и ст. 41 § 1 п. 4 печатать разрѣшается 30-го Января 1889 года.

Ректоръ Университета *Щелковъ.*

Оглавленіе.

Постановка вопроса. Состояніе края до 2-й пол. XVII в. Переселенія малороссіянъ и великороссіянъ. Культурное состояніе переселенцевъ. Причины, задерживавшія культурное развитіе слободско-украинскаго общества—оборонительная война съ татарами, внутреннія смуты въ сосѣднихъ областяхъ, физическія бѣдствія. Переходъ на мирное положеніе. Культурное состояніе общества въ к. XVIII и нач. XIX в.; матеріальная культура: земледѣліе, садоводство, шелководство, табаководство, огородничество, винокуреніе, гонка смолы, скотоводство, пчеловодство, добываніе соли; ремесла—число ремесленниковъ и наиболѣе распространенныя изъ ремеслъ; торговля — роль въ ней великорусскаго, иностраннаго и малорусскаго элемента, отзывъ академика Зуева; умственная культура: стремленіе къ образованію, статистика народныхъ церковно-приходскихъ школъ, мандрованные учителя, любовь къ школьной наукѣ у дворянъ, Харьковскій коллегіумъ, какъ высшее всесословное учебное заведеніе, украин-

скій философъ Сковорода, какъ посредникъ между наукой и мѣстнымъ обществомъ; религіозно-нравственный характеръ его проповѣди; нравственное состояніе общества: религіозное усердіе мірянъ и его генезисъ; отношеніе ихъ къ храмамъ и причту, церковныя братства и шпитали. Общее заключеніе.

„Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“.

Источники и пособія. 1) Мои «Матеріалы для ист. кол. и быта степной окраины Моск. гос.; Х. 1886 г.; 2) Неизданный 2-й томъ моихъ «Матеріаловъ для ист. кол. и быта...»; 3) Рукописное «Опис. Слободской Украинской губ.», приложенное къ Атласу Слоб. Укр. губ. 1802 г. (хранится въ Имп. Пуб. Библ.); 4) Цифровыя данныя о ремесленникахъ изъ неизданнаго изслѣд. В. В. Иванова «О безземельныхъ Слоб. украйны» 5) Воспоминанія О. П. Лубяновскаго (1777 — 1834 г.) М. 1872; 6) Путешественныя записки Вас. Зуева. Спб. 1787 г.; 7) Güldenstädt'a. Reisen durch Russland; II theil. Pet. 1791 г.; 8) Топографическое описаніе Харьк. нам. Изданіе Харьк. губ. стат. ком. съ моимъ введеніемъ и примѣчаніями. Х. 1888 г.; 9) Моя замѣтка «Три черкасскія слободы XVIII в.» по современному ихъ описанію (Кіев. стар. 1887 г., іюнь—іюль); 10) Опис. городовъ Азов. губ. (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. III); 11) Мандрованные дьяки въ Слободской украйнѣ (документъ, сообщенный проф. А. С. Лебедевымъ и напечатанный въ Харьк. кал. на 1885-й г.); 12) А. С. Лебедева. Истор. розысканія въ южнорус. архивахъ; вып. третій. М. 1888 г.; 13) Филарета. Ист. стат. оп. Харьк. еп. 5 отд. Х. 1857—1859 г.; 14) Мои «Очерки изъ ист. кол. и быта степ. окр. Моск. гос.» т. I-й. М. 1887 г.; 15) Г. П. Данилевскаго. Украинская старина. Х. 1866 г.; 16) А. С. Лебедева. Ист.

розысканія въ южнорус. архивахъ. Вып. 1-й, М. 1886 г. (Харьк. кол., какъ просвѣтительный центръ Слободской украйны); 17) Основаніе Харьковскаго кол. (Молодыкъ изд. И. Бецкимъ на 1844-й годъ); 18) Мой «Краткій истор. очеркъ торговли въ Харьк. краѣ въ XVII и XVIII вв. Х. 1888 г.; 19) И. А. Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (1798—1801 г.) (Харьк. кал. на 1886 г.); 20) Сельскія училища въ Харьк. губ. (Jbidem); 21) А. Д. Твердохлѣбова. Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ (Кіев. стар. 1886 г., сентябрь 178 — 182); 22) Вейнберга. Г. Воронежъ, ист. оч. (Ворон. юбил. сбор., I,—Вор. 1886 г.); 23) Костомарова. Ист. мон., т. XIII-й; 24) «Житіе Сковороды, описанное другомъ его М. И. Ковалѣнскимъ». Съ предисловіемъ Н. Сумцова (Кіев. стар. 1886 г., сентябрь, 103—150).

Сегодня исполнилось 84 года со времени открытія Харьк. университета; черезъ 16 лѣтъ придется уже праздновать его столѣтній юбилей и подводить итоги..., а для этого и теперь уже слѣдуетъ подумать о собираніи матеріаловъ для его систематической исторіи и біографическаго словаря профессоровъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало. Нѣсколько болѣе посчастливилось первоначальнымъ годамъ исторіи университета: мы имѣемъ тутъ труды почт. Н. А. Лавровскаго, А. П. Рославскаго - Петровскаго, Г. П. Данилевскаго, К. К. Фойгта. И что же? Выясненъ ли въ нихъ совершенно вопросъ объ основаніи университета, о роли въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина? Кажется, что нѣтъ. Харьковск. университетъ (и въ этомъ его наиболѣе характерная особенность) былъ основанъ благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ харьковск. общества; а извѣстно ли намъ культурное состояніе этого общества передъ открытіемъ университета и въ болѣе раннее время? Еще менѣе того. Н. А. Лавровскій говоритъ, что университетъ былъ единственною свѣтящеюся точкою «на этомъ безпредѣльномъ степ-

номъ пространствѣ», что онъ осѣлъ «на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ». Де-Пуле говоритъ о Харьковѣ нач. XIX в., какъ о глухомъ степномъ городкѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду. И въ этомъ есть своя доля правды. Но все таки нужно разобраться въ этомъ дѣлѣ. Невольно задаешь себѣ вопросъ, откуда въ этомъ степномъ захолустьѣ явились люди, собравшіе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытія университета; а для того, чтобъ получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно обратиться къ общему ходу культурнаго развитія мѣстнаго общества. Но это культурное развитіе находится въ тѣснѣйшей связи съ заселеніемъ края. Нашъ край заселился недавно, на глазахъ исторіи, южнорусскими выходцами изъ Польши и великорусскими переселенцами съ сѣвера; и тѣ, и другіе принесли съ собою извѣстные культурные зачатки, и дальнѣйшее развитіе ихъ зависѣло уже отъ мѣстныхъ условій. Присматриваясь къ этимъ условіямъ, мы открываемъ одно такое, которое въ продолженіе цѣлаго столѣтія служило страшнымъ тормазомъ для дальнѣйшаго преуспѣянія края,—это были татарскіе набѣги. Явившись въ дикое поле, вдоль и поперекъ изрѣзанное татарскими саками, слобожане должны были принять на себя не легкую задачу—защищать свои границы и вмѣстѣ съ тѣмъ всю Русь отъ татаръ, отвое-

вывать у нихъ степи, служившія имъ и торною дорогою, и мѣстомъ кочевьевъ, и превращать ихъ въ тучныя и богатыя нивы. Въ теченіе цѣлаго вѣка населеніе должно было затрачивать всѣ свои силы *не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ*. Мы укажемъ, каково было состояніе нашего края до появленія постояннаго населенія, откуда и съ какими культурными зачатками пришло это населеніе, чего стоила ему борьба съ кочевниками и, наконецъ, каково было его матеріальное, умственное и нравственное состояніе въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка.

Въ 1-й пол. XVII в. постояннаго населенія въ нашемъ краѣ (кромѣ г. Чугуева) не было. По татарскимъ шляхамъ и русскимъ дорогамъ разъѣзжали только здѣсь сторожа и станичники. Главная ихъ обязанность состояла въ наблюденіи за татарскими отрядами; направленіе пути опредѣлялось у нихъ рѣками, рѣчками, колодезями, перевозами, городищами, курганами и др. урочищами; все время они должны были проводить на лошадяхъ, огня не раскладывать, даже по 2 раза на одномъ и томъ же мѣстѣ не останавливаться. Правда, сторожа и стоялые головы имѣли нѣчто въ родѣ постоянныхъ пріютовъ въ степи; но все таки они не представляли изъ себя осѣдлаго населенія и не могли укрѣпить за Моск. гос. нынѣшней Харьк. губ.; это сдѣлали только осѣд-

лые поселенцы малорусскаго и великорусскаго происхожденія. Переселенія черкасъ, т. е. малороссіянъ, изъ Польши въ южную степную украйну Моск. госуд. начались очень рано; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ степи, за южной московской оборонительной линіей, такъ наз. Бѣлгородской чертой, ими былъ основанъ г. Чугуевъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича южнорусское переселенческое движеніе изъ Польши еще болѣе усилилось. Они переселялись сюда то цѣлыми массами, то отдѣльными семьями. Причины, заставлявшія жителей бросать свою родину и уходить въ сосѣднее государство, были разнообразныя—религіозныя, политическія, соціальныя и экономическія. Особенно сильное движеніе было въ тяжелую для южнорусскаго народа эпоху руины, когда правобережная украйна сдѣлалась ареною политической борьбы и ее опустошали и свои, и чужіе; она обратилась тогда въ настоящую пустыню и такой пустыней и изображаетъ ее извѣстный лѣтописецъ Величко. Населеніе было частью перебито, частью захвачено въ плѣнъ, частью переселилось въ предѣлы Россіи; «въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города», читаемъ мы въ одномъ донесеніи. «Изъ большихъ и малыхъ городковъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами съ ихъ семьями и

пожитками; на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они нерѣдко сожигали свои жилища»; уходили не только свѣтскіе, но и духовные. Такова была одна колонизаціонная волна—западнорусская. Менѣе значительна была другая — сѣверорусская. Центральное правительство организовало черкасъ переселенцевъ для борьбы съ татарами, а на помощь имъ присылало отряды русскихъ служилыхъ людей (однодворцевъ); такъ образовались нын. великорусскія селенія въ Харьк. губ.

И тѣ, и другіе поселенцы приходили на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками. Характеристическія особенности черкасъ, составившихъ основное ядро населенія, опредѣляются въ актахъ терминомъ «старочеркасская обыкность»; по «черкасской обыкности», они занимаютъ себѣ участки пахатной и сѣнокосной земли и лѣса, устраиваютъ хутора, заводятъ пасѣки, строятъ мельницы и занимаются безоброчно и безпошлинно всякими промыслами; на родинѣ у себя они были земледѣльцами; условія земледѣльческой культуры въ Кіев. и Харьк. губ. мало чѣмъ отличались другъ отъ друга; неудивительно поэтому, что и на новыхъ мѣстахъ они немедленно стали распахивать пожалованныя имъ земли; многіе изъ нихъ приводили съ собою значительное количество скота и скотоводство стало самымъ важнымъ (послѣ земледѣлія) ихъ заня-

тіемъ; вообще можно сказать, что черкасы вынесли изъ своей родины знаніе почти всѣхъ тѣхъ промысловъ и ремеслъ, которые мы у нихъ находимъ впослѣдствіи; оттуда же перенесли они и уваженіе къ школьной наукѣ, и нѣкоторые религіозно-нравственные обычаи. Великорусскіе переселенцы принесли съ собою культуру, существовавшую въ то время на украйнахъ среди однодворцевъ; она была нѣсколько ниже той, которая господствовала въ центральныхъ областяхъ Моск. государства; но все таки и однодворцы, точно также какъ и черкасы, занимались земледѣліемъ и другими промыслами, ремеслами и торговлей.

Новымъ поселенцамъ предстояли 2 задачи— 1) оборона края отъ татаръ и 2) заселеніе его. На это должна была уходить вся энергія населенія. Слободская украйна въ XVII в. являлась крайнею пограничною областью Моск. гос. на югѣ и потому должна была принимать на себя первые удары врага. Татары двигались сюда или большими ордами, или не большими отрядами. Нападеній перваго рода было немного, но за то ихъ можно уподобить опустошительному урагану, все истреблявшему на своемъ пути. Въ 1680 г. татарская орда разсѣялась по 18 укр. городамъ и селеніямъ и перебила, взяла въ плѣнъ или сожгла 3014 д. жителей, разорила 7 церквей и 1273 улья пчелъ, сожгла 17369 чет. хлѣба, 1571 копну сѣна,

889 дворовъ, гуменъ и мельницъ и отогнала 21770 головъ скота. Но и мелкія непріятельскія партіи наносили страшный вредъ жителямъ; ежегодно отъ нихъ страдали тѣ или иныя селенія и города. Г. Перекопъ былъ совершенно сожигаемъ и разоряемъ 3 раза; всѣ обыватели его въ послѣдній разъ «отъ мала и до велика въ полонъ забраны со всѣмъ ихъ скотомъ и пожитками». Непріятель не щадилъ даже храмовъ Божіихъ и монастырей: забиралъ церковную утварь, обдиралъ иконы, въѣзжалъ въ церкви на лошадяхъ, забиралъ въ плѣнъ священниковъ и монаховъ и т. п. Дивногорскій монастырь такъ сильно страдалъ отъ татаръ, что братія ушла изъ него и основала было новый въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Постоянная гроза татарскихъ нашествій побуждала правительство и населеніе затрачивать огромныя средства на устройство разнаго рода укрѣпленій. Были укрѣплены не только полковые и сотенные города, но даже мѣстечки и владѣльческія селенія; кромѣ отдѣльныхъ крѣпостей были еще сплошныя укрѣпленныя черты, которыя тянулись на нѣсколько сотъ верстъ. Всѣ слои Слободско-Украинскаго общества принимали участіе въ защитѣ своего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Россіи отъ татаръ: великорусскіе и малорусскіе поселенцы, козаки, мѣщане, даже монахи; эти послѣдніе «отсиживались» отъ врага и принимали на свое попе-

ченіе раненыхъ. Матеріальное благосостояніе поселенцевъ не могло быть прочно: сегодняшній богачъ обращался на слѣдующій день въ нищаго; цѣлыя села иногда обращались въ пустыя селища. Потеря рабочихъ рукъ (въ видѣ плѣнныхъ) тяжело отражалась на общемъ экономическомъ состояніи семьи, а въ лицѣ своего молодаго поколѣнія семья теряла надежду на будущее благосостояніе; родственное чувство налагало нравственную обязанность выкупать плѣнника, но этотъ выкупъ былъ опять таки очень разорителенъ; при вѣстяхъ о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать свои пожитки и уходить въ города; можно представить себѣ, какъ тяжелы были эти временныя переселенія. Но и положеніе горожанъ было не лучше; вотъ какъ жили, напр., обыватели г. Харькова въ XVII в.: и днемъ, и ночью воевода долженъ былъ держать вездѣ караулъ; на пашню и сѣнокосъ жители могли выходить только тогда, когда ничего не было слышно о татарахъ и при томъ «не малыми людьми съ пищалями и всякимъ оружіемъ». Городъ и острогъ на ночь запирались и ключъ былъ у воеводы. Скотъ лѣтомъ можно было выгонять «только провѣдавъ про воинскихъ людей до пряма»; въ жаркіе лѣтніе дни бань топить было нельзя, съ огнемъ поздно не сидѣть, а пищу готовить нужно было подальше отъ жилья въ особыхъ печахъ.

Понятно, какъ отъ всего этого страдало земледѣліе и другіе промыслы: въ 1688 г. жители г. Балаклѣи въ ожиданіи татаръ на поля не выходили и хлѣба не жали; 8 лѣтъ спустя балаклѣевскій протоіерей писалъ: «на той украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ, ради прихода татаръ пахать нельзя».

Такова была одна *основная* причина, задерживавшая культурное развитіе нашего края во 2-й пол. XVII и 1-й пол. XVIII в. Но были еще и другія менѣе важныя: внутреннія смуты, вызванныя политическими движеніями въ сосѣднихъ областяхъ (въ гетманщинѣ и на Дону), участіе въ заграничныхъ походахъ и войнахъ (крымскихъ, прусскихъ и т. д.), разнаго рода физическія бѣдствія, которыхъ нельзя было нисколько облегчить и т. п. Не смотря на извѣстныя намъ мѣры противъ пожаровъ, въ Харьковѣ въ 1733 г. сгорѣло 300 домовъ, Соборная и Николаевская церкви и всѣ лавки. Неурожай въ одной какой нибудь мѣстности вызывалъ уже голодъ и тогда питались брунью, омелой, берестовою корою. Чума производила страшныя опустошенія: въ Святогорскомъ монастырѣ въ 1739 г. умерли всѣ монахи, исключая 2-хъ столѣтнихъ старцевъ; свирѣпствовала она въ 1738 г. и въ Харьковѣ.

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности дѣйствовали задерживающимъ образомъ на про-

грессивный ходъ мѣстной жизни въ сферѣ матеріальной и умственной культуры. Съ особенной силою главная изъ указанныхъ нами причинъ дѣйствовала въ XVII в., когда край находился вполнѣ на военномъ положеніи; въ 1-й пол. XVIII в. Слободская украйна потеряла свое окраинное положеніе: за нею образовались Новосербскія и Славяносербскія поселенія; Миниховскіе походы также нанесли тяжелый ударъ Крыму. Во 2-й пол. XVIII в. Харьковскій край перешелъ уже на мирное положеніе. Съ этого времени населеніе его могло пойти по пути мирнаго культурнаго преуспѣянія. Въ 1773 г. всѣхъ селеній въ Слободско-укр. губ. было 677 и въ нихъ 666561 жителей обоего пола. Въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. общее культурное состояніе края представляется въ такомъ видѣ.

Мы начнемъ свое обозрѣніе съ матеріальной культуры—промысловъ, ремеслъ и торговли.

Земледѣліе давало столько продуктовъ, сколько нужно было для прокормленія жителей; отпускной хлѣбной торговли въ XVIII в. не было: ей препятствовала отдаленность губ. отъ судоходныхъ рѣкъ; мало того: до 100000 чет. хлѣба привозилось сюда изъ сосѣднихъ губ. (напр., курской) и поступало на винокуренные заводы и прокормленіе войскъ; но въ нач. XIX ст. небольшое количество пшеницы арнаутки уже отправлялось въ Таганрогъ. Садовод-

ство издавна пользовалась большимъ расположеніемъ у слобожанъ. «Украинцы, говоритъ авторъ Топ. оп. Х. нам., при обселеніи жилищъ не послѣднимъ считаютъ долгомъ разводить сады родючаго дерева и обсаживать дворы и огороды ракитами, тополями, или другими деревьями». Въ украинскихъ лѣсахъ было множество яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ; изъ нихъ были даже цѣлые садки съ пасѣками; о такихъ садкахъ мы встрѣчаемъ множество упоминаній въ документахъ; груши и яблоки, а также теренъ въ нихъ собирались, сушились и составляли немаловажную статью дохода: покупались и шли въ Великороссію и Новороссію. Нѣкоторыя мѣстности въ особенности славились своими садами—Люботинъ, Коротичъ, Новая Водолага и др. Говоря о садоводствѣ, нельзя также умолчать о монастырскихъ садахъ. Въ Ахтырскомъ Троицкомъ монастырѣ въ 1803 г. было 6 садовъ, занимавшихъ въ совокупности болѣе 8 дес,, въ томъ числѣ одинъ виноградный. ВъСумскомъ Успенскомъ монастырѣ было 7 фруктовыхъ садовъ; изъ нихъ Діонисьевъ и Сосипатровъ занимали по 12 дес., Новый—6 дес., Котовъ и Камишинъ—3 дес., т. е. 5 садовъ—33 дес. За Зміевскимъ козацкимъ монастыремъ числилось въ 1803 г. 20 садовъ, занимавшихъ въ совокупности болѣе 20 дес., въ томъ числѣ виноградный въ 4 дес. Монахи Святогорскаго монастыря, по словамъ путешествен-

ника акад. Гюльденштедта, имѣли 400 лозъ винограду и небольшой садъ изъ превосходныхъ яблонь и грушевыхъ деревьевъ; не перечисляемъ многихъ другихъ аналогичныхъ фактовъ. Менѣе удачно шли тѣ промыслы, которые старалось ввести начальство: виноградное дѣло, шелководство и табаководство. Прежде всего разведеніе винограда началось въ Чугуевѣ; тамъ были казенные «государевы» виноградные сады, заведенные въ царствованіе Алексѣя Мих. и занимавшіе болѣе 5 десятинъ; изъ винограда приготовляли на мѣстѣ вино, которое отсылали потомъ въ Москву на государевъ обиходъ. Впослѣдствіи эти виноградники запустѣли; виноградъ въ Св. горахъ, по словамъ Гюльденштедта, былъ мелокъ и киселъ. Не совсѣмъ удачно прививалось у насъ и шелководство. По указу 1773 г. велѣно было завести тутовые сады въ сл. Новой Водолагѣ, Валкахъ, Краснокутскѣ и др. мѣстахъ. Съ 1789 по 1801 годъ, когда смотрителемъ Нововодолажскаго завода былъ назначенъ гр. Де-Пармъ, выдѣлано было болѣе 11 пуд. шелку и около 8 пуд. шелковой бумаги; въ 1800 г. шелковичные заводы обращены были въ пользу обывателей; главнѣйшимъ центромъ мѣстнаго производства назначенъ Харьковъ, Краснокутскъ, Водолага; поселянамъ даны были отъ казны инструменты; кромѣ того изъявили желаніе заняться этимъ полезнымъ дѣломъ и нѣкоторые дворяне —

помѣщики. Въ Харьковѣ весною посажено было болѣе 1000 кустовъ, привезенныхъ изъ Водолаги. Здѣсь всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ приказъ общественнаго призрѣнія, пріобрѣвшій возлѣ города для плантаціи болѣе 10 дес. земли; наибольшимъ препятствіемъ для успѣшнаго хода дѣла являлось то обстоятельство, что населеніе не вѣдало ни пользы этого промысла, ни его техники; въ виду этого рѣшено было послать 6 человѣкъ бѣдныхъ воспитанниковъ Сиротскаго дома въ Водолагу для обученія ихъ тамъ этому искусству подъ руководствомъ Де-Парма, а затѣмъ поселить въ разныхъ уѣздахъ для общественной пользы. Въ Ахтыркѣ нѣкоторое время существовала казенная табачная фабрика, заведенная при Петрѣ В.; для нея засѣвалось 50 дес. земли и получалось въ урожайный годъ до 7000 пуд. табаку; работниковъ при ней было до 500 чел.; она не имѣла настоящаго хозяина, не вызвала сочувствія въ населеніи и потому запустѣла. Огородныя овощи имѣли повидимому довольно широкое распространеніе и отличались значительнымъ разнообразіемъ. По словамъ Гюльденштедта, черкасы сѣяли волошскую рѣпу, брюкву; они были склонны даже къ нововведеніямъ и охотно садили картофель, сѣмена котораго выдавало имъ губ. начальство. Въ тѣсной связи съ хлѣбопашествомъ стояло винокуреніе и пивовареніе, составлявшее видную

отрасль промышленности. Этотъ промыселъ былъ привиллегіей мѣстнаго малорусскаго населенія. Весь излишекъ хлѣба отъ продовольствія поступалъ на винокурни и даже прикупали еще со стороны. Да иначе и быть не могло, когда сбывать хлѣбъ въ видѣ зерна или муки за предѣлы губ. было рѣшительно не возможно. Этому мѣшало отсутствіе рѣчныхъ путей, а сосѣдняя Новороссія не только довольствовалась собственнымъ хлѣбомъ, но даже сбывала его въ значительномъ количествѣ заграницу. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка всѣхъ винокурень въ Харьковскомъ намѣстничествѣ было 976. Эти винокурни доставляли помѣщикамъ едвали не самый значительный доходъ въ хозяйствѣ; вино частью продавалось на мѣстѣ, а частью отправлялось въ Великороссію, Новороссію, Донскія станицы и Таганрогъ. Гонка смолы и дегтя продолжалась по прежнему; такъ обширный смолокуренный заводъ мы видимъ, напр., въ с. Березовомъ у кн. Якова Крапоткина; 500 бочекъ смольчуга онъ собирался отправить въ 1728 г. въ г. Орелъ.

Скотоводство въ прежнее время было болѣе значительно, чѣмъ въ началѣ XIX ст. и это потому, что тогда было больше простора въ земляхъ. О развитіи его въ XVII в. свидѣтельствуютъ между прочимъ вѣдомости о татарскихъ погромахъ 1680 и 1691 гг.; особен-

но много было овецъ: у нѣкоторыхъ простыхъ козаковъ ихъ бывало по сотнѣ, по двѣ и даже болѣе того; не мало было также воловъ и коровъ. Авторъ «Топ. оп.» свидѣтельствуетъ, что въ его время скотоводство было еще очень обширно. По словамъ Гюльденштедта, малороссіяне снимали съ овецъ шерсть только одинъ разъ (весною), такъ какъ зимою выгоняли ихъ на пастбище, и потому шерсть эта была очень груба; но за то скотъ былъ очень хорошъ, потому что телятамъ долго позволяли сосать матерей. Въ нач. XIX в. скотоводство стало терять первенствующее положеніе среди другихъ промысловъ и сохранило свое прежнее значеніе только въ Изюмск, Купянск., Волчанск. и Зміевскомъ уѣздахъ. У многихъ помѣщиковъ были конскіе заводы, доставлявшіе имъ значительныя выгоды; шлёнскихъ и испанскихъ овецъ было очень мало. Невыгодно отражалась на украинскомъ скотоводствѣ конкурренція сосѣдняго Новороссійскаго края, гдѣ для него было несравненно больше простора. Заслуживаетъ полнаго вниманія и пчеловодство; бортей теперь уже не было, а только однѣ пасѣки; медъ и воскъ шли въ другія губ. и заграницу; но занимались этимъ промысломъ глав. обр. зажиточные многосемейные хозяева. На Торскихъ (нын. Славянскихъ) озерахъ соляное производство началось въ XVI в. и продолжалось въ теченіе всего XVII и XVIII столѣ-

тій. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этого производства; изъ одного напечатаннаго мною документа впрочемъ видно, что въ 1685 г. съ 12-го мая по 10-е авг. включительно (т. е. въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ) прошло съ Тора 270 возовъ съ солью; если положить на каждый возъ по 50 пуд., то получимъ 13500 пуд. Кромѣ Торскихъ была еще попытка эксплуатировать и соляные озера при с. Заводахъ; сначала сами обыватели добывали тамъ соль въ небольшомъ количествѣ, потомъ это дѣло взяла въ свои руки казна съ тѣмъ, чтобъ организовать его на широкихъ началахъ, но добыча соли не окупала издержекъ и потому скоро они были заброшены. Селитряное производство (или такъ наз. бурты) многимъ помѣщикамъ приносило значительный доходъ, но не ежегодно, потому что переварка буртъ повторялась только черезъ 6 или 7 лѣтъ.

Ремесла удовлетворяли глав. обр. потребностямъ мѣстнаго населенія, но нѣкоторыя изъ нихъ успѣли завоевать себѣ и болѣе широкій районъ. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ В. В. Ивановымъ изъ такъ наз. Коммиссарскихъ вѣд. и любезно сообщеннымъ намъ, кустарно-ремесленныхъ хозяйствъ въ к. XVIII в. было 6776, а всѣхъ ремесленниковъ 33884 д. обоего пола. Цеховые и ихъ семьи составляли, такимъ образомъ, болѣе 12%, что свидѣтельствуетъ о сильномъ

(даже безотносительно для того времени) развитіи кустарно-ремесленныхъ занятій; одно такое хозяйство приходилось всего на 36 душъ обоего пола. Наиболѣе распространенными занятіями были ткачество, сапожничество, кожевничество, портняжничество, кузнечное дѣло и гончарство; ткачей было 963 хоз. съ 5190 душ. обоего пола; чеботарей или сапожниковъ и чимбарей или кожевниковъ—817 хоз. съ 4377 д. обоего пола; кравцовъ или портныхъ и кушнирей или овчинниковъ—573 хоз. съ 3082 д. обоего пола; ковалей или кузнецовъ— 184 хоз. съ 979 д. обоего пола; гончаровъ—159 хоз. съ 296 д. обоего пола. Сюда же нужно присоединить еще тертичниковъ и гонтарей, занимавшихся выдѣлкою лѣсныхъ матеріаловъ, рымарей или сыромятниковъ, шаповаловъ или шерстобитовъ, сѣдельниковъ, стекольщиковъ, бондарей или бочаровъ, стельмаховъ или колесниковъ. Харьковъ славился своими ремесленниками — кустарями: 4 улицы его получили названіе отъ ихъ ремеслъ — Чеботарская, Кацарская, Рымарская и Кузнечная; среди харьковскихъ ремесленниковъ выдѣлялись рымари, сбывавшіе ремни и кожи своей работы не только по ярмаркамъ Харьковскаго, но и сосѣднихъ Малорос. и Екатерин. нам.; кушнери, отправлявшіе свои шубы въ Великороссію и др. сосѣд. мѣста, коцарки, отпускавшіе многія тысячи своихъ ковровъ въ велико-

русскія селенія и даже за границу, свитники, шившіе сермяжные кафтаны черкасскаго покроя и шаровары и вывозившіе ихъ на ярмарки въ Кіев., Черн. и Екатерин. нам., кузнецы, выковывавшіе замѣчательные лемеши и чересла (принадлежности плуга), гончары, выдѣлывавшіе кафли или изразцы (бѣлаго и зеленаго цвѣта). Чугуевъ славился своими скорняками, Ахтырка—плахотницами, Богодуховъ—кожевниками и сапожниками, Нов.-Водолага—гончарами, выдѣлывавшими прекрасныя кафли и тарелки. Одни изъ кустарей имѣли землю, а у другихъ ея вовсе не было. Все это были ремесла мѣстнаго малорусскаго происхожденія. Сначала они удовлетворяли потребностямъ не одного низшаго, но и всѣхъ слоевъ слоб. укр. общества; но въ концѣ XVIII в. происходитъ уженѣкоторое измѣненіе: сословія обособляются; городское населеніе подвергается вліянію общерусской цивилизаціи; явились такія потребности, которымъ не могли удовлетворить мѣстные мастера; понадобились великорусскіе и иностранные ремесленники—каменьщики, штукатуры, плотники, столяры, рѣзчики, каретники, хорошіе портные и сапожники; эти пріѣзжіе мастера оказали значительное вліяніе на ремесленную производительность г. Харькова.

Торговля Харьковскаго края въ концѣ прошлаго вѣка достигла значительнаго развитія и носила преимущественно ярмарочный характеръ.

Всѣхъ ярмарокъ было 219, въ томъ числѣ 6 большихъ (4 Харьк. и 2 Сумскихъ), 10 среднихъ и 203 малыхъ. На Харьковскія и Сумскія ярмарки привозились товары съ запада изъ заграницы (изъ Силезіи, Данцига, Лейпцига) съ сѣвера (изъ Петербурга), съ южныхъ Новорос. портовъ (Ростова, Таганрога, Херсона, Станиславова, Кинбурна), центральной Россіи (Москвы, Суздаля, Тулы, Павловска) и востока (Царицына, Саратова, Черкасска); привозились самые разнообразные товары, которыхъ не было на мѣстѣ и которые должны были глав. обр. удовлетворять расширившимся потребностямъ и вкусамъ культурнаго класса. Это были издѣлія мануфактурныя, металлическія, рыба, виноградное вино и т. п. Привозили эти товары частью иностранные, но больше великорусскіе купцы. Обороты Харьковскихъ ярмарокъ до 1800 г. были слѣд.: Крещенской достигали 10 мил., Успенской—8 мил., Троицкой— 600 тысячъ. Малорусскіе производители и торговцы вывозили извѣстные уже намъ предметы мѣстной промышленности и ремесла, которые за тѣмъ отправлялись въ Великороссію, Малороссію, Донскія станицы и даже за границу, напр., хлѣбное вино, шерсть и нѣк. шерстяныя издѣлія, овчины, сало и медъ. Заграничные мануфактурные и др. товары нѣкоторое время удачно еще конкурировали съ великорусскими; но на сторонѣ этихъ послѣд-

нихъ было одно преимущество: по своей относительной дешевизнѣ они могли находить себѣ сбытъ среди *всей* массы слоб. укр. общества. Во всякомъ случаѣ прежняя патріархальная простота теперь мало по малу исчезаетъ и привозъ указанныхъ выше товаровъ оказалъ въ этомъ случаѣ не мало вліянія; прадѣдовскій складъ жизни продолжалъ попрежнему царить только среди войсковыхъ обывателей, да и туда проникали нѣкоторые мануфактурные товары. Торговля привлекла въ города Харьковскаго края иностранцевъ и великорусскихъ купцовъ. Въ 1732 г. въ Харьковѣ было 62 чел. великорус. купечества, въ Сумахъ 14; въ 1773 г. въ Харьковѣ было уже 100 иностранцевъ (по большей части грековъ) и 223 чел. обоего пола великорус. купечества, въ Сумахъ — 29 иностранцевъ и 36 великорус. купцовъ; въ 1799 г. въ Харьковѣ — 166 купеческихъ семействъ, въ томъ числѣ малорус. около 40, т. е. 25%. Иностранные и великорусскіе купцы пріобрѣтали себѣ осѣдлость въ Харьковѣ; вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ малорусскихъ промышленниковъ они образовали *спеціальный* классъ купцовъ, котораго раньше въ Харьковѣ не было. Что касается мѣстнаго населенія, то оно вело глав. обр. торговлю средней или, какъ выражается авторъ Топограф. оп., *второй руки;* въ ней нерѣдко производители являлись и продавцами. Роль малорусскаго населенія въ

экономической жизни края прекрасно характеризуетъ ак. Зуевъ: «Земля будучи наиплодороднѣйшая составляетъ главнѣйшее жителей упражненіе, такъ что гдѣ ни поѣдешь, вездѣ поверхность оной покрыта наибольшею частью хлѣбомъ, а потомъ или бахчами или плодовыми садами. Жители, утопая въ довольствѣ земныхъ произведеній, не вѣдая вкуса роскоши и не зная, такъ сказать, цѣны денегъ, не стараются доставать оныхъ выѣздомъ изъ своей земли въ сосѣдственные города и вывозить своихъ излишковъ, но довольствуются всѣмъ у себя безцѣннымъ изобиліемъ и продаютъ пріѣзжающимъ на ярмарки купцамъ только то, чего сами истребить не могутъ.... каждый почти изъ нихъ въ городахъ есть и обыватель и пахарь, и купецъ и садовникъ и службу отправляющій житель». Это писалъ Зуевъ въ 1781—1782 гг., а въ самомъ концѣ XVIII в. и нач. XIX в. эта картина, какъ мы видимъ, уже нѣсколько измѣнилась, въ особенности въ центрахъ, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ факторовъ, принесенныхъ въ мѣстную жизнь великорусскими и отчасти иностранными купцами и ремесленниками.

Благодаря возможности удовлетворять своимъ матеріальнымъ потребностямъ, мѣстное малорусское общество могло обнаружить значительную склонность къ просвѣщенію. Это нужно сказать не только о высшемъ классѣ, но и

о низшемъ, т. е. войсковыхъ обывателяхъ и даже владѣльческихъ посполитыхъ. Дѣло образованія держало въ своихъ рукахъ духовенство: любовь къ наукѣ оно вынесло изъ заднѣпровья, гдѣ эта наука ему была необходима для борьбы съ ухищреніями уніи. Но въ этой борьбѣ принимало живѣйшее участіе и свѣтское общество: создавало братства, школы, заводило типографіи; стремленіе къ образованію оно принесло изъ своей родины въ Харьк. край. Здѣсь оно немедленно завело школы при церквяхъ: при Ахтырск. Николаевскомъ храмѣ школа существовала уже въ 1675 г. Почтенный изслѣдователь Харьк. старины Г. П. Данилевскій думаетъ, что школы эти были спеціальными училищами для приготовленія къ священно и церковно—служительскимъ должностямъ дѣтей мѣстнаго духовенства. Но для этой цѣли были заведены особыя спеціальныя училища, хотя, кажется, только въ Екатерининское время. Такова была средняя школа въ сл. Новыхъ Водолагахъ. «На иждивеніе тамошнихъ обывателей, говорится въ одномъ документѣ, заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, а также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности». Но церковно-приходскія школы были не духовными училищами, какъ думаетъ Г. П. Данилевскій, а на-

родными или, правильнѣе говоря, всесословными. Уже одно число этихъ церковно-приходскихъ училищъ говоритъ противъ предположенія Г. П. Данилевскаго. По его вычисленію, въ 1732 г. было 46 школъ, а по найденной мною переписи Хрущова ихъ оказывается болѣе 129; говоримъ болѣе, потому что часть Хрущовской переписи до насъ не дошла; школы эти по полкамъ распредѣлялись такъ: въ Харьк.—18, Ахтырскомъ—28, Изюмскомъ—36 и Сумскомъ —47. Они были не только въ козачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже въ селахъ) было по нѣсколько школъ (напр. въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ и др.). Общее число жителей обоего пола во всѣхъ 4-хъ полкахъ въ 1732 г. можно опредѣлить въ 306112 д.; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 д., а въ 1884 г.— на 4270 д. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно число учащихся въ школахъ прежняго времени; во всякомъ случаѣ оно было менѣе значительно, чѣмъ теперь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тогда оно равнялось въ среднемъ 20—30 чел. на школу, а теперь 50. Въ такомъ случаѣ процентное отношеніе всѣхъ учащихся въ 1-й пол. XVIII в. и теперь будетъ почти одинаково. Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 чел.; нерѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ 4-хъ Харьк. церковно-

приходскихъ школахъ было 19 учителей (при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквяхъ). Дѣти духовенства составляли, конечно, довольно видный элементъ среди учащихся; объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, многочисленныя автобіографіи учителей. Научившись церковно-слав. и рус. грамотѣ и пѣнію въ церковно - приходской школѣ, иные поступали въ Харьк. коллегіумъ, а другіе—въ учителя-дьячки; такъ выработался оригинальный типъ мандрованнаго дьяка-учителя; нѣкоторые изъ нихъ переходили изъ одной школы въ другую чуть ли не цѣлую жизнь; одинъ, напр., ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ, другой — Козьма Парадинъ — цѣлыхъ 50 лѣтъ (съ 20-ти до 70 лѣтняго возраста); въ особенности интересна автобіографія послѣдняго; скитальчество, очевидно, вошло у него въ привычку; даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни и онъ на 70-мъ году предсталъ передъ судомъ какъ безпаспортный; гдѣ только онъ не перебывалъ: и въ Харьк., и въ Воронеж. губ., и на Дону, то въ должности дьячка и учителя церковной школы, то въ качествѣ учителя въ частныхъ домахъ. Спрашивается, неужели все это были духовныя училища? Конечно, нѣтъ. И мы можемъ привести факты, доказывающіе, что въ такихъ школахъ обучались гл. обр. дѣти козаковъ и крестьянъ. Нѣкоторая часть ныи. Во-

ронеж. губ. въ прежнее время принадлежала къ Слободской украйнѣ (Острогожскому полку); однимъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ здѣсь переселенцами малороссіянами, была сл. Ендовище, и тутъ существовала школа въ концѣ XVII в.; «школу эту посѣщали дѣти козаковъ—черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ въ 1703 г. былъ дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей черкасской обыкности, учитель-дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспѣвать»; такъ говоритъ изслѣдователь Воронеж. старины г. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И, конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а вездѣ. Во владѣльческой слоб. Бѣлокуракиной, населенной подданными малороссіянами, по мысли владѣльца, открыта была школа — и въ нее сразу же добровольно было отдано жителями 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; былъ приглашенъ временный учитель, котораго рѣшено было впослѣдствіи замѣнить спеціалистомъ преподавателемъ изъ Харькова. Полный комплектъ предполагался въ 30 мальчиковъ; наблюденіе за школой было поручено мѣстному священнику. Наконецъ, намъ извѣстно, что въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было школы, обыватели приглашали временныхъ преподавателей—тѣхъ самыхъ мандрованныхъ дьяковъ,

о которыхъ мы говорили выше. Мало того: дѣти простыхъ козаковъ не ограничивались иногда низшими школами и поступали въ Харьк. коллегіумъ. Если среди низшаго слоя общества существовало извѣстное стремленіе къ образованію (хотя бы въ формѣ грамотности), то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привиллегированнаго сословія, которые имѣли больше досуга, средствъ и сознательнѣе относились къ явленіямъ общественной жизни; въ качествѣ правящаго класса, они должны были усвоить хотя бы начатки школьной науки для службы. Нѣкоторые ясно сознавали пользу ученія. Таковъ былъ представитель стариннаго Харьк. дворянства сотникъ Изюмск. полка Д. Даниѣлевскій; его очень огорчали лѣность и нерадѣніе дѣтей, а одному сыну онъ завѣщалъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если онъ исправится и будетъ хорошо учиться; замѣтимъ, что приведенный здѣсь фактъ относится къ самому началу XVIII в. (1716 г.), когда Харьк. коллегіума еще не было; онъ былъ открытъ 10 лѣтъ спустя и, очевидно, долженъ былъ удовлетворять существовавшей въ обществѣ потребности въ такого рода учебномъ заведеніи. Многіе изъ козацкой старины не были чужды и литературныхъ вкусовъ и занимались составленіемъ записокъ; извѣстны, напр., фамильныя записки Квитокъ, Тевяшовыхъ, Кондратьевыхъ,

Шевича. Онѣ были еще въ рукахъ И. И. Срезневскаго и Пр. Филарета. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ былъ Харьк. коллегіумъ; его просвѣтительное значеніе въ достаточной степени выяснено въ прекрасномъ изслѣдованіи нашего многоуважаемаго сочлена проф. А. С. Лебедева. Поэтому мнѣ остается сказать и добавить немногое. Не смотря на то, что коллегіумъ возникъ изъ духовной архіерейской школы (былъ основанъ еп. Епифаніемъ Тихорскимъ), помѣщался въ монастырѣ, находился въ вѣдѣніи архіереевъ и содержался отчасти изъ своихъ имѣній, а отчасти изъ сбора съ монастырей и церквей, онъ былъ доступенъ для всѣхъ классовъ общества; дѣти духовенства составляли въ немъ только преобладающее большинство. Въ жалованной грамотѣ Имп. Анны Іоанновны 1731 г. говорится о коллегіумѣ: «учить (въ немъ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ». И такое училище не могло не вызвать къ себѣ всеобщаго сочувствія. Наибольше пожертвованій сдѣлали для него ген. фельд. кн. М. М. Голицынъ, жившій тогда въ качествѣ главнокомандующаго въ Харьковѣ и еп. Епиф. Тихорскій; 1-й подарилъ ему 5 деревень и 4 хутора съ 650 д. крестьянъ, 2-й три пустыни. Дѣло сразу же было поставлено на надлежащую почву. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались за границу. Программа коллегіума была

составлена приспособительно къ его всесословному характеру и при томъ все болѣе и болѣе расширялась: очень рано введены были въ нее математика, архитектура, живопись, исторія, географія, французскій, нѣмецкій и итальянскій яз.; въ 1765 г. были введены (гл. обр. для дворянъ) такъ наз. прибавочные классы новыхъ яз., математики, рисованія, инженерства, артиллеріи, геодозіи; въ самомъ концѣ XVIII в. прибавлены были еще физика и естественная исторія, а въ нач. XIX—сельское хозяйство и медицина. Число учащихся бывало очень значительно — иногда доходило до 700 и 800 человѣкъ; наибольшій контингентъ доставляло духовенство, но было не мало и свѣтскихъ лицъ, и при томъ не только дворянъ, но и разночинцевъ. Такое значительное число учащихся свидѣтельствуетъ о сильномъ стремленіи къ образованію, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе ту печальную обстановку, въ которой находились многіе ученики: они должны были распѣвать канты подъ окнами Харьк. обывателей и выучивать въ бурсѣ уроки при свѣтѣ горящей лучины. «Ни холодъ, ни голодъ, говоритъ воспитанникъ коллегіума Лубяновскій, не охладили охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ бы ни были состояніи въ послѣдствіи времени». Но эти бѣдняки, все

имущество которыхъ иногда состояло изъ «вязаночки книгъ да войлочка и подушки», являлись истинными просвѣтителями юношества, живя на кондиціяхъ у помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ и даже мѣщанъ, обучая дѣтей ихъ разнымъ наукамъ. Харьк. коллегіумъ воспиталъ многихъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной службы — изъ него вышли лица, занимающіе видное мѣсто даже въ исторіи общерос. просвѣщенія. Достаточно указать на знаменитаго переводчика Иліады Гнѣдича, проф. Моск. у-тета Каченовскаго, Рязанскаго губернатора, Мих. Ив. Ковалевскаго, попечителя Харьк. унив. З. Я. Карнѣева, Нижегородскаго губернатора А. М. Руновскаго, 1-го рус. клинициста, Гр. Ив. Базилевича и мн. др. И воспитанники коллегіума съ благодарностью вспоминали о своей alma-mater. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ сенаторъ Лубяновскій: «Превосходное учебное заведеніе былъ Харьк. коллегіумъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей; они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, неумирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься».....
Такова была глубокая нравственная связь меж-

ду школой и обществомъ, между наставниками и молодымъ поколѣніемъ. Учителя не только учили, но и нравственно воспитывали юношество. Типическимъ представителемъ этого именно направленія, носителемъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ началъ въ Харьковскомъ обществѣ к. XVIII в. былъ украинскій философъ Гр. С. Сковорода, эта своеобразная личность, до сихъ поръ чрезвычайно мало разъясненная исторіей. Онъ является продуктомъ общества, которое тогда переходило отъ прежняго военно-казацкаго быта къ новой гражданственности, наукѣ и литературѣ. Онъ вышелъ изъ простонародной среды (впрочемъ не крестьянской, а казацкой) и затѣмъ, не смотря на свое образованіе, не порвалъ съ нею нравственныхъ связей. По своему образованію онъ стоялъ цѣлою головою выше другихъ тогдашнихъ наставниковъ; не ограничившись Кіевской духовной академіей, онъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ почти всю зап. Европу, познакомился со многими учеными и воспринялъ отъ нихъ сѣмена мистицизма; плодомъ его начитанности и размышленій была цѣлая масса сочиненій, изъ которыхъ только немногія изданы въ свѣтъ. Хотя всѣ они, еще при жизни Сковороды, циркулировали въ рукописяхъ, но по своему мистическому содержанію и тяжелому туманному языку, не могли имѣть вліянія на массу. Большее зна-

ченіе имѣли его сатирическія басни и пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ такъ понравились народу, что и до нынѣ распѣваются слѣпыми лирниками. Въ нихъ мы замѣчаемъ уже присутствіе религіозно-нравственнаго элемента «А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà, какъ бы умерти мнѣ не безъ ума», говорится въ одной такой пѣснѣ. Но кому же не страшна ея (смерти) острая сталь (т. е. коса)? Тому «чія совѣсть какъ чистый хрусталь». Вотъ эта то религіозно-нравственная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои слободско-украинскаго общества, тѣмъ болѣе что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни. Онъ велъ, можно сказать, аскетическій образъ жизни: одѣвался въ простую свиту, не ѣлъ мяса и рыбы, а питался плодами, овощами и молокомъ, спалъ въ садахъ, на пасѣкахъ, и, наконецъ, почти никогда не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ преподавателя коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, «для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій

правоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ кичения, обхожденіе безъ лести». Неудивительно, что у него были почитатели среди всѣхъ классовъ мѣстнаго общества: и среди духовенства, и среди свѣтскихъ лицъ. Къ простому народу онъ относился съ глубокой симпатіей: «барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, которые говорятъ, что земля есть мертвая, какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей?» И какъ изъ утробы чернаго народа вышли бѣлые господа? Нравственное вліяніе его на простой народъ было очень благодѣтельно. «Страсть его, говоритъ Лубяновскій, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; у всѣхъ онъ былъ свой. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность... утѣшался, что трудъ страннической жизни не сов-

сѣмъ былъ безплоденъ». Примѣромъ его благодѣтельнаго вліянія на дворянъ можетъ служить его другъ и ученикъ Ковалѣнскій, составившій «житіе» своего учителя. «Можно сказать, говоритъ Гр. П. Данилевскій, что по степени уваженія, которымъ пользовался Сковорода, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ».

Мы раньше высказали мнѣніе, что Сковорода, при всемъ его вліяніи на мѣстное общество, самъ является до извѣстной степени продуктомъ этого общества. Если бы въ этомъ послѣднемъ не существовало извѣстнаго религіозно-нравственнаго настроенія, то проповѣдь Сковороды не имѣла бы такого успѣха, какой ей выпалъ на долю. Общій характеръ научныхъ свѣдѣній Сковороды и его богословско-философскихъ сочиненій опять таки опредѣляется гл. обр. южнорусскою образованностью того времени, разсадникомъ которой была Кіевская духовная академія; наконецъ, и самый способъ распространенія его религіозно-философскихъ и этическихъ воззрѣній (путемъ перехода съ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому) объясняется б. м. привычкою къ скитанію, свойственной не только свѣтскому южнорусскому обществу (казакамъ и посполитымъ), но и духовенству (мандрованнымъ учителямъ, священникамъ). Каково же было рели-

гіозно-нравственное состояніе слободско-украинскаго общества въ XVII и XVIII вѣкахъ? На своей родинѣ въ заднѣпровьѣ слобожане должны были отстаивать православную вѣру отъ уніи; борьба должна была усилить ихъ религіозное чувство. Она кромѣ того объединяла интерессы церкви и мірянъ. Послѣдніе принимали живѣйшее участіе въ церковныхъ дѣлахъ и имѣли на нихъ сильное вліяніе—устраивали братства, шпитали и т. п. Все это было перенесено на новую почву и продолжало существовать въ видѣ стариннаго крѣпко укоренившагося обычая. Въ Харьковскомъ краѣ церкви строились или на средства отдѣльныхъ лицъ —помѣщиковъ, или на добровольныя пожертвованія всѣхъ прихожанъ, которые постоянно заботились о своемъ храмѣ и о содержаніи причта и обыкновенно сами выбирали себѣ священника, (выборъ этотъ только потомъ утверждала высшая епархіальная власть); нерѣдко священниками бывали лица, принадлежавшіе къ свѣтскому обществу. Въ сел. Шелудовкѣ строителемъ храма былъ сот. Корякъ, а священникомъ—его родной сынъ, въ м. Соколовѣ—бывшій полковой судья. Что же касается дьячковъ, то они представляли изъ себя какъ бы посредствующее звено между духовенствомъ и мірянами: несли свои причетническія обязанности только на основаніи договора—найма съ прихожанами; вотъ почему между

прочимъ дьякъ является излюбленнымъ типомъ въ устной и искусственной южнорусской словесности.

Монастыри были обязаны своимъ происхожденіемъ большею частью усердію казацкой старшины. Куряжскій мон. былъ основанъ Харьк. полк. Гр. Ер. Донцомъ-Захаржевскимъ и другими старшинами того же полка, Сумской Успенскій и Сумской Предтечевъ—полк. Гер. Кондратьевымъ, Михайловская пустынь—полк. Мих. Васильевичемъ и т. д. Масса лицъ разныхъ состояній жертвовала въ монастыри движимое и недвижимое имущество; интересны нѣкоторыя надписи на пожертвованныхъ священныхъ книгахъ; «почитати ю и внимати», читаемъ мы на одномъ сочиненіи Антонія Радивиловскаго; «книгу сію купилъ отецъ Михайло за свои гроши, за 2 таляра у Перекопѣ, щобъ уніею не вспоминався нихто;» такова надпись на требникѣ 1681 г.; есть даръ съ надписью отъ простой ткачихи. Нѣкоторые строители монастырей дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми игуменами ихъ; таковы были полковникъ Штепа (строитель Краснокутскаго мон.) и сотникъ Григорьевъ (строитель Сѣннянскаго Покр. мон.). Кромѣ того можно еще назвать и представительницъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, вступившихъ въ ряды чернаго духовенства; таковы были Ковалевская, Квиткина, Дунина и др.

Религіозное усердіе мірянъ проявлялось также въ устройствѣ церковныхъ братствъ. Ихъ мы находимъ какъ въ городахъ, такъ и во многихъ селеніяхъ. Перенесены они были изъ заднѣпровья: пришедшіе въ Корочу черкасы (еще при Мих. Ѳеод.) просили дозволить имъ «по ихъ вѣрѣ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей;» кромскіе черкасы просили о дозволеніи имъ сытить медъ и собирать воскъ, чтобы «свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье». Въ Харьковѣ были братства при Соборной, Благовѣщенской и Рождественской церквяхъ. Братства ставили своею цѣлью поддержаніе церквей; вотъ почему въ пользу братствъ многіе жертвовали имѣнія. Въ храмовой праздникъ старшій братчикъ собиралъ отъ прихожанъ доброхотныя подаянія и готовилъ братскій столъ и медъ, который покупали присутствующіе; выручка шла въ пользу братства. На ряду съ братствами нужно поставить такъ называемые шпитали или богадѣльни, гдѣ находили себѣ пріютъ старые, дряхлые, больные, вдовы, сироты; всѣхъ ихъ въ 1732 г. было 68, а призрѣвалось въ нихъ болѣе полутораста человѣкъ. Для того чтобы достойно оцѣнить эти религіозно-благотворительныя учрежденія, необходимо помнить, что

они были обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно общественной иниціативѣ.

Таково было матеріальное, умственное и нравственное состояніе слободско-украинскаго общества въ к. XVIII и нач. XIX в. Культура его была гораздо выше чѣмъ можно было предполагать. Въ основаніи этой культуры лежала западнорусская стихія, сохранившаяся почти въ неприкосновенномъ видѣ до 2-й половины XVIII вѣка; рядомъ съ нею развивалась другая стихія сѣверно русская; сначала великорусскіе и малорусскіе поселенцы жили отдѣльно въ различныхъ селеніяхъ и не смѣшивались другъ съ другомъ; но со 2-й полов. XVIII в. великорусское вліяніе дѣлается уже довольно замѣтнымъ въ сферѣ ремесла и торговли, которая значительно усиливается; вліяніе иностраннаго элемента было гораздо менѣе значительно.

Конечно, намъ могутъ возразить, что нарисованная нами картина грѣшитъ нѣкоторою односторонностью, что мы изобразили однѣ только свѣтлыя положительныя стороны прошлой жизни. Это правда. Но такова была и наша задача. Мы собирали по крупицамъ разбросанные въ разныхъ источникахъ матеріалы, для того чтобы составить себѣ понятіе о томъ уровнѣ культурнаго развитія, котораго достигло мѣстное общество въ нач. XIX в. Конечно, эта культура сравнительно съ послѣдующимъ и въ особенности нашимъ временемъ,

представляется жалкою, ничтожною. Въ XIX в. мы сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ сферахъ жизни и ихъ лучше всего наблюдать на большихъ городскихъ центрахъ. Харьковъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ по пути экономическаго и умственнаго развитія. Сколько свѣта распространилъ вокругъ себя тотъ свѣтильникъ, который былъ зажженъ въ 1805 г. властною рукою Имп. Александра I—Харьковскій университетъ! Сколько теперь у насъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній! Но не будемъ несправедливы и къ мелкимъ явленіямъ прошлаго, потому что изъ нихъ выросло настоящее. Задача историка заключается въ вѣрномъ воспроизведеніи прошедшей жизни и оцѣнкѣ ея съ точки зрѣнія интересовъ *того времени*. А если это такъ, то не иначе какъ съ симпатіей отнесемся мы къ скромнымъ дѣятелямъ прежняго времени на пользу мѣстнаго просвѣщенія; съ благодарностью мы вспомнимъ не только дѣятельность преподавателей Харьк. коллегіума, но и его воспитанниковъ и даже тѣхъ мандрованныхъ дьячковъ-учителей, педагогическіе пріемы которыхъ мы теперь считаемъ въ высшей степени неудовлетворительными; глубоко симпатичною представится намъ личность Гр. С. Сковороды, этого въ своемъ родѣ тоже «мандрованнаго» учителя, глашатая истины и добра, имѣвшаго такую многочисленную аудиторію, которой мог-

ли бы позавидовать знаменитѣйшіе ораторы нашего времени; мы простимъ ему его мистицизмъ, если вспомнимъ, что первые изъ подписавшихся на колоссальную сумму 618000 р. для открытія въ Харьковѣ университета, были его ученики, друзья и короткіе знакомые, такъ точно какъ и первыми студентами вновь открытаго университета оказались воспитанники Харьк. коллегіума. Сковорода оказалъ значительное вліяніе и на послѣдующее поколѣніе мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей, въ лицѣ талантливѣйшаго изъ нихъ Квитки-Основьяненка. Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ на Основѣ; тамъ его и видѣлъ будущій авторъ повѣстей изъ Харьковской жизни—пятнадцатилѣтній Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Не безъ вліянія философа-аскета Квитка рѣшилъ даже поступить въ монастырь. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ со Сковородой,—о его своеобразныхъ взглядахъ на жизнь, и нерѣдко, импровизируя его извѣстное стихотвореніе „Всякому городу нравъ и права", дѣлалъ къ нему свои юмористическія прибавленія. „Гомерическая личность Сковороды и непреложное во всей суровой простотѣ достоинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣло значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳедоровича Квитки". Наконецъ, не забудемъ, что изъ среды мѣстнаго общества вы-

шелъ и В. Н. Каразинъ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ нашъ университетъ. Но Квитка и въ особенности Каразинъ должны быть причислены уже къ дѣятелямъ новаго *университетскаго* періода Харьковской умственной жизни. Совершенно почти отсутствовавшая до сихъ поръ западно-европейская просвѣтительная стихія, — въ лицѣ лучшихъ профессоровъ Харьковскаго университета, стала оказывать замѣтное вліяніе на мѣстную культуру. Не безъ борьбы и усилій насаждалась университетская наука, со всѣмъ ея широкимъ содержаніемъ, столь не похожая на школьную науку старинныхъ южно-русск. коллегіумовъ. Тяжело было и новымъ дѣятелямъ приспособляться къ деревенскому складу жизни г. Харькова. Тѣмъ не менѣе и они, какъ свидѣтельствуютъ записки Роммеля, подвергались до извѣстной степени вліянію мѣстной культуры и даже нашли въ ней нѣкоторую опору для себя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую важную роль въ просвѣщеніи Харьков. края съигралъ Г. Ѳ. Квитка, черпавшій сюжеты своихъ повѣстей изъ мѣстной жизни и пользовавшійся для обработки ихъ сокровищами народной рѣчи.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы наше поколѣніе постаралось увѣковѣчить память своихъ лучшихъ историческихъ дѣяте-

лей. Теперь пока на очереди стоитъ вопросъ о постановкѣ памятника виновнику основанія Харьковскаго универс. Вас. Назар. Каразину. Пусть общество откликнется на призывъ университета, въ рукахъ котораго находится теперь это дѣло, и докажетъ, что оно готово прійти на помощь всякому доброму начинанію.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Д. Н. ПОЛУЕХТОВА

въ Харьковѣ

имѣются въ продажѣ другія сочиненія и изданія того-же автора:

1) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. гос. Томъ 1-й. Исторія колонизаціи. М. 1887 г. Ц. 3 р., на веленевой бумагѣ 4 р.

2) Матеріалы для исторіи кол. и быта степной окраины Моск. гос. (Харьк., Курской и Воронеж. губ.), т. 1-й. Х. 1886 г. Ц. 2 р.

3) Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII—XVIII вв. Х. 1888. Ц. 30 к.

4) Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества. Х. 1888. Ц. 50 к.

5) Генеральная опись Малороссіи. К. 1883. Ц. 30 к.

6) Займанщина въ Лѣвобережной украйнѣ XVII и XVIII вв. К. 1883. Ц. 30 к.

7) Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Харьк. губ. (библіограф. очеркъ). Х. 1886. Ц. 20 к.

8) Отвѣтъ И. Линниченку. Х. 1884. Ц. 30 к.

9) Къ исторіи Екатерининской Коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. К. 1885. Ц. 35 к.

10) Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о Харьк. губ. X. 1888. Ц. 20 к.

11) Къ вопросу о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Моск. госуд. С.-П. 1888. Ц. 20 к.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

1) 2-й томъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. гос. (Харьковской, Курской и Воронежской губ.);

2) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры.

Цѣна 40 коп.

Харьковъ.
Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная, № 25-й.
1889.

10542.
1889.

2007112072